

ЭЛЬВИРА ОСЕТИНА

мы
ПРИНАДЛЕЖИШЬ
мне!

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Горячие СЛР-однотомники

Эльвира Осетина

Ты принадлежишь мне!

«Автор»

2019

Осетина Э.

Ты принадлежишь мне! / Э. Осетина — «Автор»,
2019 — (Горячие СЛР-однотомники)

Он увидел её через камеру, сидя в кабинете своего нового ресторана. Женщину, за которой уже и так пристально следит последние полгода. Ту, которую он решил присвоить себе любыми методами, даже если потребуется, то и против её воли. Она ведет аморальный образ жизни. Жизни, которую совершенно не ценит. Её не интересует собственное настоящее, она продолжает жить в прошлом и не желает думать о будущем. Но он - её враг из прошлого - вновь врывается в её жизнь. Сможет ли она услышать его? Сможет ли она ему поверить? Смогут ли они вместе преодолеть демонов, мучивших их обоих несколько лет, и стать счастливыми вместе? Время покажет... В тексте есть: властный герой, любовь по принуждению, вредная и очень аморальная героиня. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Пролог	5
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Эльвира Осетина

Ты принадлежишь мне!

Пролог

– Кажется, их было пятеро или семеро, я точно не помню, слишком пьяная была, – я чешу нос и шурюсь, изображая задумчивость.

На самом деле я все прекрасно помню – их было шестеро, и я была не пьяная, а под кетаминотом, в народе его еще называют «наркотиком насильников». Вообще-то это препарат для наркоза и обезболивающее. Но он нередко вызывает страшные галлюцинации, поэтому жертва во время изнасилования и физически, и ментально пребывает в самом настоящем кошмаре. Вот и я побывала в том кошмаре. Я все понимала и все видела, ощущала, но... все мои чувства и эмоции были утрированы, усилены в десятки раз.

Это мне потом уже объяснили в больнице... Да-да, мои насильники были столь любезны, что даже в больницу меня доставили, в частную клинику, где заплатили врачам за молчание и за то, чтобы с меня убрали все следы их безудержной страсти. Он – вожак стаи этих вырожденков – так и сказал. Я очень хорошо запомнила его слова, а еще ярко выраженный сарказм, с которыми он произносил эту фразу. Ну а мне обеспечили хороший и качественный уход за телом. Вот только душу оставить в покое не желали. Приходили каждый день, проверяли, не решила ли я там вздернуться ненароком? Не решила ли позвонить кому-нибудь и пожаловаться – родителям или подругам, к примеру? Или не дай бог, в полицию заявление накатала?

Нет-нет. Им это было неинтересно. Они хотели и дальше со мной играть... На этот раз уже в любовь.

Больные убудки...

Мажоры только-только вошли во вкус, и им понравилось... очень понравилось.

И если бы не случай, я не представляю, что бы сейчас со мной было...

Пауза затягивается. Бросив взгляд из-под ресниц на лицо моего нового психотерапевта, я мысленно морщусь.

Жалость – вот что я вижу в его взгляде.

Нет, все же было ошибкой прийти к мужчине. Раньше я всегда выбирала женщин, стеснялась такое обсуждать с мужчинами. Но женщины слишком сильно меня жалели, хоть и старались поначалу делать вид, что не испытывают этого непрофессионального чувства. Однако я всё равно замечала...

И вот, спустя два года после очередной не самой удачной терапии, я решилась на мужчину... и что я вижу? Опять жалость.

М-да, вообще-то я не этого хотела от квалифицированного специалиста-мозгоправа, а работы над моей головой. И желательно качественной.

Но почему-то именно жалость сильнее всего выбешивает. Вроде уже тринадцать лет прошло. И мне бы смириться. Но жалость... Странно, но даже когда кто-то осуждающе качает головой, слушая по телевизору рассказ очередной жертвы изнасилования, и приговаривает: «Сама виновата, нефиг шлаться где попало», я почти никак не реагирую. Потому что знаю – им никогда этого не понять. И дай бог, чтобы они или их дети не поняли. Понять можно, лишь пройдя через это.

Но жалость... Эта эмоция в глазах людей меня уничтожает. Я начинаю себя чувствовать прокаженной, смертельно больной. Словно меня уже похоронили. Словно мне уже недоступна жизнь обычной счастливой девушки, смотрящей на мир огромными глазами и ждущей своего

принца на белом коне. Хотя мне всего лишь тридцать лет. Я не смертельно больна. Я здорова... физически. Шрамы давно зашили, да и не так уж много их было. Мои насильники были осторожны. Убивать меня никто не хотел. Всего-то лишиться девственности... во всех возможных местах. С несколькими мужчинами одновременно. Всего-то показать мне, что я такая же грязная, как и они. Сломать и заставить забыть, что такое доброта и любовь; уничтожить надежду на счастливое и светлое будущее.

Во рту першит от горечи собственных мыслей.

Ну уж нет! Хватит! Это невыносимо. Только не слезы... слезы делают из меня слабое ничтожество, а я сильная! Сильнее многих! И все благодаря уроку, который мне когда-то преподали. Жестокому, чудовищному, но уроку!

Не верить, не любить, не надеяться, не ждать, а брать жизнь в свои руки. Из рабыни превратиться в хозяйку!

Как там говорится в пословице? Всё, что нас не убивает, делает нас сильнее? Я криво усмехаюсь. В другой поговорке говорится немного иначе – «Все, что нас не убивает, делает нас сильнее, или инвалидами».

А моя личная поговорка звучит так – «Все, что нас не убивает, делает нас сильными инвалидами».

Я беру сумочку и, встав с кресла, молча иду к двери. За сеанс я заплатила еще на входе, поэтому здесь меня больше ничего не держит.

– Подождите, – слышу я голос психотерапевта. Обернувшись, с раздражением и злостью смотрю на него. – Сядьте, мы еще не закончили.

Изогнув бровь, идеально откорректированную, в лучшем салоне красоты славного города Новосибирска, я растягиваю губы в кривой усмешке и властно-надменным тоном, отточенным долгими годами в должности главного помощника генерального директора, отвечаю:

– Закончили.

И повернув голову, иду дальше. Но слышу еще один вопрос:

– Чего вы на самом деле хотите?

Я берусь за ручку двери и на краткий миг замираю. Но затем, тряхнув головой, выхожу.

Нет, не здесь и не сейчас. Да, я уехала ради этого в другой город – столицу нашей любимой родины, но все же, все же... Нет. Не могу.

Уже в такси я долго размышляю о вопросе психотерапевта. И понимаю, что не могу на него ответить. Чего я хочу на самом деле? Забыть о том, что со мной случилось тринадцать лет назад? Нет, я не хочу. Жизненные уроки забывать нельзя. Так чего же я тогда хочу? Выйти замуж и нарожать кучу маленьких ребятишек? О нет, спасибо... дети – это точно не моё. Как и стирка, уборка и забота о муже. У меня со стиркой и уборкой справляется приходящая домработница Галина Дмитриевна. А забота о муже? Я уже настолько привыкла жить одна и ни о ком не заботиться, что не смогу терпеть на своей территории кого-то еще. Пыталась не раз завести нечто вроде длительных отношений, но максимум меня хватало на неделю. Да, рекорд – целая неделя.

Так чего же я тогда хочу?

Я тоскливо вздыхаю, рассматривая незатейливый осенний Московский пейзаж за окном, краем сознания отмечая, что эта осень в столице выдалась необычно жаркой и сухой. И понимаю, что хочу я только одного – избавиться от своей ненормальной тяги к сексу с незнакомцами.

Но сейчас признаться в этом доктору, еще и мужчине, я не в состоянии. Потому что эта болезнь, по моему мнению, неизлечима. Нет, это не нимфомания, нечто другое. Оргазм я не всегда испытываю. Последнее время вообще перестала чувствовать хоть какое-то удовольствие. По большей части лишь отвращение и ощущение, словно вывалилась в помоях. Но остановиться не могу... Я как наркоманка, пристрастившаяся к наркотику. Привычная доза уже

давно не вставляет, и её приходится увеличивать. Но из-за этого сильно страдает качество. И найти качественный секс каждый день, да с разными мужчинами, порой и с несколькими одновременно, довольно сложно...

И это очень сильно мешает моей карьере.

На моих губах опять появляется невеселая улыбка.

Потому и хожу до сих пор не в заместителях генерального, а лишь в помощницах, причем таких, которые по командировкам разъезжают.

Устала я мотаться по всей нашей необъятной матушке России. Хочется уже собственного уютного кабинета. Секретаршу с кофе по утрам. Или лучше секретаря.

Прикрываю глаза и представляю, как я бы зажигала с этим самым секретарем... Ну а что, любому начальнику нужно вечером сбросить стресс.

Да и Афанасий Игоревич уже давно намекает, чтобы я на попу присела, потому что на заводе я ему гораздо нужнее, чем неизвестно где. Эх... Но в родном городе, хоть он и миллионник, я не смогу искать каждую ночь нового партнера. Слишком велик риск нарваться на неприятности. Потому и катаюсь по разным городам в поисках приключений на свои нижние девяносто.

Но где наша не пропадала? Везде пропадала...

Поток моих не слишком радостных и достаточно аморальных мыслей прерывает телефонный звонок с рабочего номера. С отточенной профессиональной белозубой улыбкой я беру трубку и бодро отвечаю:

– Кристина Эдуардовна Ярова, главный помощник генерального директора ННПЗ слушает.

Глава 1

– Кристя, это я, – голос шефа глухой и усталый.

Я тут же подбираюсь и, стерев улыбку со своего лица, озабоченно спрашиваю:

– Что случилось Афанасий Игоревич? Что-то с Иришкой?

– На пенсию меня отправляют, малышка, – хмыкает мой любимый шеф, практически заменивший родного отца. – Из столицы проверяющий приедет. Ну и, судя по сплетням, он и на моё место метит.

Мои брови непроизвольно приподнимаются. Вот так финт ушами. Этого я ожидала меньше всего.

– А Заречинский как же?

– Остается, – вздыхает Афанасий Игоревич. – А тебе надо бы домой поторопиться. Я буду тебя рекомендовать как одного из лучших сотрудников. Но ты сама понимаешь...

– Да-да, «новая метла», – удрученно бурчу в трубку. – А по вашим слухам, он один едет или?..

– Или, – так и вижу, как шеф поджимает губы и недовольно хмурит кустистые седые брови. – Целую команду помощников с собой везет.

– Хреново.

– Не ругайся, дочка. Я тебя не брошу, пристрою на хлебную должность. Если не в Новосибирске, то в Тюмени точно. У меня там однокашник генеральным работает. Сам постоянно о тебе спрашивает. Не хочу ли тебя отпустить. Уж кто-кто, а ты точно без работы не останешься.

Заслужить-то заслужила, только вот не нужна мне Тюмень, ни под каким соусом. Я Новосибирск люблю. И разъездной характер своей работы... а вот этого меня уже сейчас собираются лишить.

А, плевать! В стюардессы пойду!

Весело улыбаюсь.

– Простите, шеф, это нервы. Ждите. Ближайшим рейсом вылетаю. С докладом я все равно уже выступила, и без фуرشета выживу как-нибудь.

– Давай, Кристинка, поторопись, не нравится мне все это. Ой как не нравится.

Отключаюсь, убираю телефон в сумочку и стараюсь не сильно скрипеть зубами от злости. В свое время две месячных зарплаты потратила на идеальную улыбку, и как-то не хочется вновь терять большую сумму денег. Все же я привыкла к определенному жизненному комфорту, а не к урезанию финансов.

Не, ну вот ведь твари, а! А Людочка – та еще сучка. Как подарочные сертификаты в лучший столичный салон красоты получать, так она первая, а как одну из самых важных новостей рассказать... У-у-у!.. Получишь у меня еще, стерва белобрысая. Ой, получишь...

Вот прямо сейчас и получишь!

Следующий мой звонок адресован салону красоты «Королева Виктория».

Прищуриваюсь и стараюсь не пугать своей змеиной улыбочкой таксиста, поглядывающего в заднее зеркало.

– Здравствуйте, вас беспокоит Кристина Эдуардовна Ярова. Да-да, я сегодня у вас была и покупала подарочный сертификат. Хотела подруге подарить. Но у меня, к сожалению, сегодня кто-то сумочку украл. Номер? Конечно, помню.

Я всегда все помню, на всякий случай. А то мало ли? Не зря же меня высшие силы с рождения одарили феноменальной памятью: стоит мне один раз посмотреть на любую циферку или букровку, я мгновенно её запоминаю и могу выудить из памяти в любой момент.

– Не волнуйтесь, Кристина Эдуардовна, подарочный сертификат мы аннулировали. Им еще никто не воспользовался. И мы можем вернуть вам деньги. Но вам нужно будет подъехать сегодня с паспортом...

– О, я не буду возвращать деньги, я сама воспользуюсь своим сертификатом.

– Отлично! Тогда мы записываем вас...

Быстро договорившись о приеме и процедурах, я отключаюсь, а затем уже с чистого номера и другого телефона набираю смс-сообщение Людочке – новой секретарше самого Германа Лисовского.

«Твоя информация оказалась верной. Я о проверяющем и смене руководства в Новосибирске. Спасибо. С меня причитается»

На моем лице играет недобрая усмешка. Никогда не спускала наглецам и лжецам. Первая никогда не начинаю, но если кто-то смеет хоть пальцем трогать меня, бью наотмашь – да так, чтобы обидчик в крови захлебнулся. Учителя были слишком требовательные ... научили...

Признаю, месть жестокая. Но там, где большие деньги, не место глупцам.

Если мой телефон и вычислят – а я уверена на тысячу процентов, что уже давно вычислили, все же Лисовский сам в этом профи, что уж говорить о его службе безопасности, – то мне ничего не будет. Я шпионю для себя лично, иногда для шефа, а не для, упаси боже, конкурентов. А вот Людочке... полагаю, со своего места она как минимум слетит. Да и информатора шефа прикрою. А то мало ли, вдруг мне самой его услуги понадобятся когда-нибудь? Хоть шеф до сих пор и не раскололся, кто ему стучит.

Но я буду не я, если не сделаю ответных ход.

***

Вечер проходит в сборах. Салон красоты, покупка маленького черненького обтягивающего платья по завету Коко Шанель, покупка билета до Новосибирска, а дальше как обычно... Идем искать партнера на ночь и сексуальные приключения на свои нижние девяносто.

Смотрю на себя в зеркало и улыбаюсь. Какая же я все-таки конфетка. Идеальная фигура – восемьдесят-шестьдесят-восемьдесят. Рост – сто шестьдесят. Вес – пятьдесят. Как говорит Афанасий Игоревич – «доска доской, будь моя воля, из-за стола бы не выпускал, пока не поправишься хоть килограммов на десять». Да только я сама решаю, как мне выглядеть. Не зря три дня в неделю по часу провожу в спортзале. А в субботу так вообще целых два часа, чтоб рельеф на теле красивый был.

Мужикам нравится, и это самое главное.

Плохо, только то, что мне в последнее время все это осточертело до печенок, хочется прекратить... но...

Я ухмыляюсь и, поправив идеальную черную челку, выхожу на охоту. Ну держитесь, мужики, Марго идет к вам.

О, я сегодня Марго?

Замираю возле двери, пытаюсь вспомнить – не использовала ли я уже это имя? И если использовала, то когда именно? Кивнув самой себе, нажимаю на ручку.

Пока выхожу в холл и иду до дверей, ловлю на себе множество взглядов – как неприязненных, так и похотливых. Растянув губы в приветливой улыбочке, киваю возможному будущему коллеге из Тюмени. Сегодня он тоже выступал с докладом. Специалист очень молод и пуглив, тушевался от каждого вопроса. Пару раз даже порывался позвонить в Тюмень, но Лисовский ему не позволил... и оторвался по полной программе. Даже на пару мгновений стало жаль парня. Ведь заметно было, что его крупно подставил генеральный, отправив неподготовленным на доклад.

Ай ладно, если не сожрут, то научится и сам информацию перед поездкой добывать, и кусаться, и на равных с одним из главных владельцев корпорации общаться. Все приходит с годами. Я тоже раньше тушевалась, но постепенно научилась быть сильной.

А вообще не люблю останавливаться в отелях, принадлежащих нашей компании. Чувствую себя как на ладони; слишком много глаз. Я предпочитаю съемные квартиры. Но что поделаешь, Москва есть Москва, приходится мириться с трудностями.

К тому же слежка за приближенным к верхам, а особенно за личными помощниками – это обычное дело. И я уверена, на меня уже скопился пухлый томик не слишком приглядной инфы. Однако, пока это не вредит общему делу, мои работодатели не обращают внимания.

Я морщусь от понимания, что кое-кто прекрасно знает о моих похождениях, но мысленно отмахиваюсь. У каждого свои скелеты в шкафу. И у меня не самые жирные и опасные. Да и как специалист я неплохо себя зарекомендовала за годы работы. Поэтому не думаю, что меня кто-то уволит, а вот с занимаемой должности могут и погнать. Куда-нибудь в Тюмень, которая мне нафиг не нужна.

В размышлениях о будущем добираюсь до столичного клуба. Не слишком дорогого, но и не слишком дешевого – для среднего класса. Мужчины в подобных клубах обычно приличные и без всяких тараканов в голове. Они приходят в такие места познакомиться на одну ночь, или вообще на один час, потанцевать, немного выпить, скинуть напряжение тяжелого рабочего дня, а затем вернуться в свою серую и унылую жизнь. Офисный планктон или студенты. Меня чаще интересуют вторые: они выносливее, не замораживаются со стояком и моральной стороной вопроса, да и жизненной энергии в них больше. С другой стороны, первая категория более опытная, и вполне способна довести до оргазма. Однако и более тяжелая на подъем, и порой приходится сильно постараться, чтобы у них настроение было на высоте.

М-да... дилемма. И кого я сегодня буду изображать? Веселую хохотушку, не слишком разборчивую в связях и готовую отдаться за бокальчик мохито в туалете? Или все же серьезную взрослую леди, ищущую себе спутника на всю жизнь, но согласную и отсосать по-быстрому этому самому спутнику в его тойоте?

Ладно, определимся на месте.

***

– Наверное, это судьба, – качает головой Евгений, разглядывая через камеру ту самую женщину, за которой пристально следит последние полгода. Ту, которую он решил присвоить себе любыми методами, и даже, если потребует, против её воли.

И Женя знает на сто процентов, что Кристина будет против. Но... его это не волнует. Он хочет все изменить, повернуть время вспять и сделать так, как не сделал много лет назад.

По глупости и недальновидности он почему-то посчитал милую и наивную девушку слишком молодой и неопытной, хотел подождать, когда она подрастет, и лишь затем очаровать её и забрать себе навсегда. Да и не хотел он тогда обременять себя серьезными отношениями. Ведь он сразу понял по её внешнему виду, да и по информации, которую для него собрал один из помощников отца, что подобных чистеньких девушек берут в жены, а не заводят мимолетную интрижку. А у Евгения на тот момент на свою жизнь были иные планы. И кто же знал, что именно его вскользь брошенная фраза о том, что Крис ему не нужна, даст зеленый свет его сводному младшему братцу...

Самонадеянный идиот.

И сейчас этот самый идиот смотрит, как она входит в двери его клуба, который он приобрел всего лишь месяц назад, дабы вложить свободные финансы. В этом плане Тарасенко Евгений Николаевич всегда был скрупулёзен. Деньги не должны лежать на счетах, они должны работать и приносить прибыль. В ресторанном бизнесе, и уж тем более в клубном, Евгений ничего не понимал, но он и не планировал в нем разбираться. Он услышал, что бывший хозяин клуба безнадежно проигрался в карты, а клуб хочет выставить на аукцион. Евгений смог выкупить долговые расписки и спокойно забрать себе клуб. Управляющего клуба он даже менять не стал: один знакомый ему шепнул, что отставному офицеру плевать, на кого работать, лишь бы зарплату сносную платили. Именно он будет работать и получать свой процент от прибыли. А Женя... Женя, как и всегда, будет получать уже свой. И по его подсчетам, клуб уже через полгода стабильной работы не только окупит все его вложения, но и начнет приносить прибыль.

Но сейчас все мысли заняты не новым вложением, а черноволосой хрупкой красавицей, одетой в узкое и короткое черное платье, облегающее всю её фигуру, словно вторая кожа. От этого зрелища кровь прилила к низу его живота.

Не дослушав отчет управляющего, Женя встает с кресла, подходит ближе к камерам наблюдения и пристальнее следит за передвижениями Кристины по клубу. И то, что он видит, ему совершенно не нравится.

«Ну уж нет, Крис, хватит! Больше ни-ни! Теперь ты моя, сама пришла, сама, решила приблизить нашу встречу. Я хотел подождать еще неделю, но теперь...»

Мысленно рыкнув, Женя кивает своему телохранителю на выход и, вытащив телефон, звонит еще двоим, которые должны ожидать его в машине.

Сам он к ней подходить не будет, еще спугнет. А вот кое-кого из своих людей отправит. Пришурившись, он смотрит на Алексея. Да... пожалуй, он сгодится на эту роль. Все равно он его хотел сменить, узнав, что парня завербовали Лисовские. А может, он изначально от них и пришел.

Дав указания своему уже почти бывшему телохранителю – выманить Кристину, – Женя быстро договаривается с управляющим, чтобы тот отправил отчет на электронную почту, и выходит через черный ход.

Ожидание слегка затягивается, и он уже порывается позвонить Алексею. Но телохранитель под руку с весело хохочущей Кристиной выходит из клуба и ведет её к стоянке.

Сев в машину, Женя отодвигается вглубь салона, и его сердце готово выпрыгнуть из груди.

Черт... он так долго мечтал об этой встрече, что сейчас... сейчас ему немного страшно. Он понятия не имеет, как будет себя вести Крис. Ведь она до сих пор считает его виновным, и хуже того – еще и тем, кто всё задумал. Он много лет назад пытался объясниться с ней, но она ему так и не поверила.

И теперь выход только один – ему придется действовать не слишком приятными методами. Эту мысль Евгений не успевает развить: задняя дверь машины открывается, и на сиденье плюхается она.

***

Вместо того чтобы сесть рядом, как договаривались, мой партнер на ближайшие два часа почему-то закрывает дверь перед моим носом. С другой стороны.

Симпатичный молодой парень лет двадцати пяти, сильно смахивающий на секьюрити какого-нибудь респектабельного бизнесмена, нагло поймал меня на выходе из дамской комнаты, где я пудрила носик и мысленно выбирала, с кем останусь. Желающих повеселиться было много – аж десять юристов отмечали заключение выгодной сделки, а свободных девушек в клубе не было. Вот я и стояла в размышлениях, морщась, потому как не планировала выпивать и вообще задерживаться в клубе надолго. Мне нужен секс, а не пьянка.

А тут он. Веселый, наглый и обаятельный, сразу же взял меня в оборот. Предложил прогуляться до его машины, так как заметил, что я сильно скучаю.

Сначала он показался мне подозрительным. Но, поняв, что выбора особо нет (юристы собрались зажигать всю ночь, и секс их мало интересовал) я решилась на очередную авантюру. И, зажав в руке газовый баллончик, начала усердно изображать захмелевшую и веселую девушку, готовую на всё.

– Э-э-э, – только и успеваю сказать я, слыша, как щелкает замок двери.

Похоже, я попала по полной программе. Хватаюсь за ручку двери и начинаю судорожно дергать... и тут слышу до боли знакомый голос из прошлого:

– Привет, Крис.

Медленно оборачиваюсь и смотрю на него, а в голове начинают мелькать воспоминания.

Женя... Женечка Тарасенко. Он дал мне салфетки и подвез до дома после торжественного посвящения в студенты. Нас там облили какой-то гадостью старшекурсники. А мне повезло... меня спас от позора – ехать в метро в мокрой блузке – самый прекрасный мужчина на свете. Именно так я тогда думала. Хотя уже позже узнала, что всех симпатичных девчонок развозили по домам старшекурсники, а заодно договаривались на секс по-быстрому. Кто-то в машине, кто-то и до дома довозил, а кто-то к себе на всю ночь забирал.

А Женя оказался слишком джентльменом, чтобы предлагать такие гадости. Он очаровал меня мгновенно. Своей аурой сильного и умного мужчины.

Мы попали в пробку и разговорились. Не о чем и в то же время обо всем. Он спрашивал о том, кем я хочу быть, и есть ли у меня увлечения. И оказалось, что у нас с ним сходные вкусы почти во всем. Мы даже стали играть с ним в «угадайку». Он говорит мне название своих любимых песен, книг или фильмов, а я в ответ автора, режиссера или исполнителя. Конечно, с моей памятью я немного читерила, но ведь чтобы что-то помнить, нужно это еще и знать...

И я влюбилась. За каких-то два часа, пока мы стояли в пробке. Окончательно и бесповоротно влюбилась. Никогда не думала, что существует понятие «любовь с первого взгляда», а тут сразу поняла, что не хочу с ним расставаться. Никогда.

Вот только отклика в его взгляде я не увидела. Мне показалось, он вообще воспринял меня не как женщину, а как маленькую сестренку, ну или интересного собеседника – друга, с которым есть о чем поговорить.

Он оставил мне свой номер телефона и, небрежно улыбнувшись, сказал, чтобы, если кто-то будет обижать, не стеснялась и звонила.

И спустя месяц метаний и ожиданий действий от мужчины, я не выдержала и позвонила... Вот только трубку взял не он, а его младший брат. И пригласил на день рождения, пообещав, что там будет Женя.

Дурочка... глупая малолетняя дурочка.

А ведь девочки пытались меня предупредить, что у младшего Тарасенко очень плохая репутация. И девчонки со старших курсов его откровенно боятся, но никто ничего так толком и не говорит.

Но я и думала тогда не о нем, а только о Жене... Ведь по нему наоборот вздыхали почти все свободные девочки на курсе. И дело было не только в его деньгах и отце-олигархе, по

крайней мере для меня, ведь у меня и самой родители не бедствовали. В Жене чувствовалась внутренняя сила. А еще рассудительность, серьезность и ответственность.

Но все это была маска... маска для остальных, на самом же деле все оказалось совсем иначе...

И сейчас он сидит передо мной и смотрит так, что внутри всё переворачивается от отвращения.

Недолго думая, поднимаю руку и с наслаждением пшикаю из баллончика прямо ему в глаза.

– Держи, лживая падаль! – шиплю я.

И тут же чувствую обжигающую боль в собственных глазах.

– Крис, дура! Мы же в машине! – выдыхает Тарасенко. Он растирает одной рукой свои слезящиеся глаза, а второй в этот момент со всей силы барабанит по стеклу и кричит: – Выпустите нас, и воды срочно!

А я с ужасом пытаюсь выбраться из машины, но замок не сразу поддается. Я кашляю, тру глаза и задыхаюсь.

Ох, нет... Точно дура! У меня же аллергия на перец!

Дверь открывается, меня кто-то вытаскивает, подхватывает под мышки, но я уже плохо соображаю, потому что начинаю задыхаться. Слышу отборный мат Тарасенко, а также его короткие приказы подчиненным.

По-моему, меня кто-то куда-то несет. Но все мои силы уходят на очередной глоток воздуха, на борьбу с болью в глазах и усиливающейся паникой от недостатка кислорода.

Мы заходим в здание – музыка звучит громче, а звук шагов и мат Тарасенко – более гулко.

Господи, ну, когда он уже заткнется, а? Не хочу слышать его насквозь лживый голос.

Меня куда-то заносят, ставят на ноги, придерживают за талию, наклоняют голову, давя рукой на затылок, и начинают промывать глаза холодной водой. Я пытаюсь кричать, быть руками незнакомца, потому что боль усиливается. К сожалению, из горла вылетают лишь хрипы, а руки слабые, как у младенца.

В этот момент мне в рот засовывают какую-то штуку и, громко скомандовав прямо в ухо: «Делай глубокий вдох!» – пшикают.

Первый, второй... третий раз... И сразу же становится легче не только дышать, но и думать. Паника медленно отступает.

Это что ингалятор у кого-то был?

– Как думаешь, поможет? – слышу мужские голоса, среди которых и Тарасенко.

– По крайней мере, до тех пор, пока скорая не приедет, должен помочь. У меня дочь астматик, ингалятор постоянно с собой таскаю.

– А хуже не будет?

– Нет, хуже точно не будет, – уверенно отвечает незнакомец. – Но врач ей все равно нужен. А то мало ли? Алексей, промывай ей глаза подольше. Эта дрянь такая, что надо до конца вымывать. И потом еще компрессы – успокаивающие, противовоспалительные.

– Вы врач, что ли? – это уже Тарасенко спрашивает.

У-у-у, убила бы гада!

– Нет, это просто жизненный опыт.

Глаза промывают долго, но в итоге мне становится легче, и боль постепенно отступает.

– Отпустите меня, дальше я уже сама, – цежу сквозь зубы своему «спасителю», пытаюсь отодвинуть его руки от своего лица, но опять слышу недовольный голос своего врага:

– Положи её на диван и иди скорую встречай.

– Как скажешь, босс.

Меня опять с легкостью подхватывают на руки и куда-то несут, бережно укладывают на мягкое, а лицо накрывают полотенцем. Сразу же накрываю его ладонями, чтобы промокнуть лишнюю влагу.

– Глаза я вам пока не советую открывать, надо скорую дожидаться, – раздается совсем близко голос того самого мужчины, который не врач, а с жизненным опытом.

– Вы лучше полицию вызовите, – со злостью шиплю я. Один глаз все же попыталась открыть и еле сдержалась, чтобы не застонать от жжения.

– Вызовем, – заверяет мужчина. – Все же не дело это, с газовым баллончиком на людей нападать.

– Что!? Ай! – от удивления убираю полотенце с лица и опять пытаюсь открыть уже оба глаза. И тут же жалобно скулю от боли, вернув полотенце обратно.

– Надо-надо, – приговаривает «не врач», – еще хулиганок нам тут всяких не хватало.

От злости и негодования открываю рот, хватаю воздух и вновь начинаю задыхаться.

– Да вы... вы издеваетесь, что ли?

– Виктор Степанович, спасибо за помощь, но дальше мы сами разберемся, – слышу уставший голос Тарасенко и его несмелые шаги. – Лучше узнайте, не приехала ли скорая.

– Давайте помогу до кресла дойти.

– Ага, не отказался бы, а то ничего не вижу. Интересно, когда мне станет лучше?

– Ну, теоретически, часа через два-три сможете глаза открыть. Но без компрессов не обойтись, это я вам точно говорю.

Отстраненно слушаю переговоры незнакомца с Тарасенко. Старательно размышляю, как бы мне по-быстрому выбраться отсюда. С них действительно станется меня виноватой выставить. Тарасенко со своей подлой натурой на все способен.

Вот только как мне уйти, когда я ничего не вижу и понятия не имею, куда делась моя сумочка... Я не знаю. Но наверняка что-нибудь придумаю. Судя по звукам, мы либо до сих пор где-то в клубе, либо рядом с ним. И что это мне дает? Да ни хрена не дает!

За размышлениями не замечаю, как хлопает дверь, а в помещении становится слишком тихо. Но не настолько, чтобы я не могла услышать горестный вздох Тарасенко.

– Кристина, ты довольна?

Вот только я не собираюсь с ним разговаривать. Еще этого не хватало. Обрыбится!

– Крис, не надо делать вид, что спишь, я прекрасно слышу твоё злое сопение.

Черт! Эмоции слишком шкалят, и я действительно громко дышу через нос. Надо как-то успокаиваться. Как там было у одного известного психолога? Сделать глубокий вдох, немного поддержать воздух в легких, медленно выдохнуть...

– Вообще-то я хотел с тобой поговорить, – не унимается Тарасенко. – Но раз ты решила пообщаться в таких экстремальных условиях, то ладно, бог с тобой, я согласен. Может, так оно даже лучше. Ты не видишь меня, я не вижу тебя... Черт! – шипит он с раздражением. – Вот же дрянь этот твой перцовый баллончик!

Не удержавшись, со злорадством выдыхаю:

– Так тебе и надо, и это еще мало! Были бы силы, убила бы нахрен! Ненавижу тебя!

– Крис... – пытается прервать меня Тарасенко.

– Ненавижу! Ненавижу! Ненавижу! И слышать не хочу!

– Крис! – недовольно рычит он уже громче, пытаясь меня перебить.

Но я не собираюсь его слушать.

– Пошел на хрен, ублюдок! Лучше такси мне вызови! Лживая скотина!

– Крис, прекрати, ты как хабалка разговариваешь, у меня уже уши вянут!

– Еще тебя не спросила, как мне разговаривать! Уж кто-кто, а ты, падаль, заслуживаешь не разговоров, а смерти!

– Крис, ты не права, – с тоской в голосе выдыхает он.

Мне становится смешно и горько от этого разговора. Ведь он у нас уже был. Почти один в один. Ну, может быть, я тогда еще не умела материться. Однако сути это не меняет. Тринадцать лет назад он пытался мне сказать, что ни в чем не виноват. Что он понятия не имел о том, что задумал его младший братец. Ага, как же. Уже поверила...

– Права! И я знаю, что права! И никогда тебе не поверю! – зло кричу я в ответ. – А теперь заткнись, я больше не желаю тебя слушать и разговаривать с тобой!

– Хорошо, как скажешь. Больше ты от меня ни слова оправдания не услышишь, пока сама не попросишь, – с шумом выдыхает он. И, как по заказу, в помещении наступает тишина.

Только какая-то она слишком настораживающая и гнетущая. Будто Тарасенко особо и не собирался со мной спорить, а так, для галочки это сделал. И сразу же успокоился.

Не нравится мне это, ой как не нравится.

Надо линять домой, в родной Новосибирск, и как можно скорее. Не к добру я его встретила, не к добру...

Теоретически можно попробовать выбраться прямо сейчас, пока в комнате никого нет. Тарасенко не способен меня задержать, если конечно никто не появится из его охраны.

ОК, сказано – сделано.

Пытаюсь встать с дивана. Медленно сажусь, ноги опускаю на пол, встаю и... сразу же накатывает сильная слабость вперемешку с тошнотой. Я падаю обратно и, не сдержавшись, вслух матерюсь.

– Крис, я надеюсь, ты не настолько глупа, чтобы попытаться сейчас уйти? – слышу недовольный голос Тарасенко и какое-то невнятное шуршание.

Э... он что там, встает, что ли?

– Не смей ко мне приближаться! Выцарапаю тебе глаза, если хоть на метр подойдешь! – шиплю со злостью, слегка приподняв голову, и тут же отпускаю её со стоном. Тошнота вновь дает о себе знать.

Какого лешего? Что за фигня? Почему меня тошнит вообще?

– Не, я так глупо подставляться не намерен, мне мои глаза еще пока дороги, – весело хмыкает мой враг, тем самым заставляя насторожиться.

С чего это у него такое хорошее настроение? Если бы мне кто-нибудь газовым баллончиком в глаза пшикнул, я бы была как минимум раздражена.

А он не только веселится, но еще и спокойно говорит по телефону с кем-то из своих телохранителей.

– Виктор, что там скорая? Уже на месте? Отлично, ждем.

Две минуты напряженного молчания, и в комнате становится многолюдно.

– Здравствуйте.

– Здравствуйте, кто пострадавший? – слышу я два новых мужских голоса. Наверное, врачи.

Один из мужчин подходит ко мне, второй, судя по удаляющимся шагам, идет к Тарасенко.

– Я пострадавшая! – громко выкрикиваю, и сразу, не мешкая ни секунды, заявляю: – Эти психи на меня напали, обманом заманили в машину. Я испугалась, начала сопротивляться, использовала газовый баллончик. И сама пострадала от него. Вызовите срочно полицию!

– Девчонка – та еще интриганка, не верьте ей, – перебивает меня вездесущий Виктор Степанович. – Ребята пригласили её прокатиться, она согласилась, и сама села в машину. У нас есть видеозапись. Поэтому не слушайте её.

Какое-то время мужчины молчат, видимо, пытаются переварить информацию и заодно решая, что с ней делать.

– Пожалуйста, заберите меня в больницу, – пробую надавить на жалость врачей.

– Никуда она не поедет, пока полиция не появится, я этого так не оставлю! – недовольно припечатывает Степаныч.

Р-р-р-р... вот сволочь! Хоть и спас меня, но все равно сволочь.

Я уже решила, что попала по полной программе, и надо уже думать, где бы взять хорошего адвоката. Ведь теоретически я первая напала на Тарасенко, и скорее всего, это подтвердят все его телохранители. И по логике этот самый Степаныч прав... Но внезапно в разговор вмешивается сам Тарасенко:

– Виктор Степанович, уймись. Не нужно полиции, случилось недоразумение. Пусть врачи обследуют Кристину и решат, везти её в больницу или нет. Кажется, у неё сильная аллергия на газ в баллончике, и ей до сих пор плохо.

– Хорошо, – слышу голос одного из врачей. – Мы того же мнения. Сначала осмотр, и возможно, стационар, а потом уже ваши личные разборки.

Я же в этот момент еще сильнее настораживаюсь. Какого... почему Тарасенко такой заботливый? Что происходит? Что он вообще задумал? Опять включил «рыцаря на белом коне»? Пытается играть благородство перед другими? Вот только для какой цели? Чего он хочет этим добиться?

Обследуют меня быстро. Спрашивают симптомы: где, что и как болит. Могу ли сесть, встать на ноги. Заглядывают в рот, затем смотрят глаза. Чем-то закапывают. Сверху накладывают ватные диски, прижимают их удобной повязкой и выносят вердикт – мне все равно надо в больницу. На месте анализа они взять не смогут. Да и неясно, как себя может проявить моя аллергия. Лучше подстраховаться и побыть хотя бы сутки под наблюдением опытных специалистов. Потом врачи берутся за Тарасенко и рекомендуют ему тоже обратиться в больницу, чтобы проверить глаза тщательнее.

– Отлично, тогда везите нас...

Тарасенко называет адрес, который мне вообще ни о чем не говорит, вот только в голосах врачей слышится заминка.

– Вы уже договорились с администрацией больницы?

– Да, все улажено, – уверенно отвечает мой враг. Я чувствую какой-то подвох, но еще не могу понять, что именно мне не нравится во всем этом разговоре.

– Виктор, Кристину на тебе, – отдает приказ Тарасенко. – И меня не забудьте. Я сейчас вообще ни хрена не вижу.

Меня подхватывают на руки, опять куда-то несут. Я же тщательно прислушиваюсь к обстановке.

Меня заносят в машину скорой помощи и аккуратно укладывают на носилки. Тарасенко, судя по звукам, садится рядом и командует своей охране, чтобы ехали следом.

Черт, и когда я избавлюсь от его общества?

Едем достаточно долго, больше часа. Все это время Тарасенко молчит (и слава богу). И когда я уже начинаю засыпать, мы наконец-то останавливаемся, и двери открываются.

И только когда я слышу разговор врача и Тарасенко с тем, кто нас встречал, я понимаю, почему меня так насторожило это место.

Это же частная клиника, принадлежащая Лисовским! А знаю я это потому, что однажды заглянула в список акций, которыми владеет эта семейка олигархов. Список этот, к слову, был секретным. Но я же везде умудряюсь свой любопытный нос засунуть. Да и память моя фотографическая помогла. Мне хватает трех минут, чтобы полностью прочитать и навсегда отложить в голове целый лист формата А4 стандартного шрифта.

Вот так подстава из подстав! Еще не хватало, чтобы до моего руководства дошла вся эта история!

Глава 2

Нас принимают в клинике как самых дорогих и долгожданных гостей. Впрочем, было бы странно, если б принимали иначе. Все же клиника частная.

А дальше все проходит уже без моего участия: я понимаю, что привлекать к себе внимание будет очень глупо с моей стороны. Да и Тарасенко неплохо справляется с ролью переговорщика. И я решаю отдать ему все козыри в руки – пока мы в клинике, само собой. Ну а как только я отсюда выберусь – сделаю так, чтобы наши дорожки никогда больше не пересеклись.

В приемном покое дежурный врач, представившийся Игорем Юрьевичем, сразу же нас допрашивает. Тарасенко без запинки выдает ему то же, что и врачам со скорой:

– Это глупое недоразумение.

Не знаю, верит ли ему Игорь Юрьевич, но на этом он прекращает допрос и командует медсестрам, чтобы нас отправили по палатам.

Я наивно надеюсь, что уже через несколько минут останусь наедине с врачом и сразу же прозондирую почву на тему быстрой выписки, но Тарасенко – гад! – опять вмешивается и требует, чтобы нас поселили в одной палате. И даже согласен подождать, пока в палату поставят дополнительную кровать, потому что в клинике вообще-то все палаты рассчитаны строго на одного пациента.

Вот же гад!

Я скриплю зубами от злости, но продолжаю молчать. Не время! Ох, не время мне сейчас возмущаться...

В палате врач быстро и профессионально проводит осмотр, причем Тарасенко опять требует, чтобы меня осмотрели первой. От этого я кривлюсь, конечно же, только мысленно.

У нас берут анализы, меняют повязки на глазах, заменяя ватные диски какими-то специальными компрессами. Меня заставляют выпить антигистаминный препарат, помогают переодеться в удобную больничную одежду и без приключений добраться до туалета. К сожалению, в душ пока не пускают.

И... нас оставляют одних.

Именно в этот момент вдруг наваливается сонливость, и я незаметно для себя засыпаю. Краем сознания понимаю, что, возможно, с ворохом таблеток мне и снотворного отсыпали.

Утро встречает меня нестерпимым желанием потереть глаза. Что я и пытаюсь сделать, но наталкиваюсь на повязку – и сразу же вспоминаю, что произошло вечером.

Р-р-р... плохо, что это был не очередной кошмарный сон, в котором я встретила призрака из прошлого. Тарасенко, к сожалению, до сих пор существует и в реальности, судя по шумному дыханию, доносящемуся с правой стороны. Но еще хуже то, что вчера у меня не получилось найти партнера на ночь.

Елки... придется в Новосибирске пользоваться услугами мальчиков по вызову. Не хотелось бы. Не нравятся мне эти жеманные девочки, по недоразумению родившимися мужчинами, ох не нравятся.

Вот бл***, угораздило же встретить Тарасенко...

Тоскливо вздохнув, нажимаю кнопку вызова медсестры. Слышу, как ворочается и недовольно вздыхает мой сосед по палате.

– Крис? – раздается сонный голос мужчины.

Волнуется, что сбежала?

Коварно улыбаюсь, специально стараюсь дышать как можно тише и не двигаться, чтобы не выдать своего присутствия. Детская выходка, и все равно сейчас медсестра появится, но почему-то даже в мелочах хочется подпортить настроение Тарасенко. У него же наверняка на меня какие-нибудь планы, раз он так настойчиво ко мне лезет. Вот и пусть немного понервничает.

Через минуту мой враг действительно тревожится.

– Крис, ты спишь? – уже громче спрашивает он. Но я продолжаю молчать.

– Крис! – рычит он. И, судя по звукам, начинает вставать с кровати. – Крис! Твою мать! Ответь!

В этот момент открывается дверь, и я слышу голос медсестры:

– О, вы уже встали? А повязку зачем срываете? Игорь Викторович рекомендовал её вам до вечера подержать, чтобы не было осложнений.

– Девушка! Моя соседка, Кристина! Она пропала! – в голосе Тарасенко я слышу уже откровенно панические нотки.

– Никуда она не пропала, лежит на второй кровати, улыбается, – ворчливо возмутилась медсестра, сдавая меня с потрохами.

– Крис, какого хрена не отвечаешь? – спрашивает он уже более спокойно.

Демонстративно вздохнув, самым стервозным тоном отвечаю:

– А я обязана, что ли?

– Так, больные, – суровый оклик медсестры заставляет меня прерваться, а я, между прочим, уже целую речь хотела прочитать. – Давайте лучше процедурами займемся, а на выяснение отношений у вас будет целый день. Игорь Викторович сказал, что появится к вечеру...

Она еще, что-то говорит, а я, вспомнила, что нахожусь на вражеской территории. И еще вчера приняла стратегическое решение – помалкивать и не отсвечивать, дабы не привлечь излишнее внимание столичного начальства.

Сжав губы, проглатываю яд, которым хотела накормить своего врага.

Эх... как бы самой не травануться.

А все отчего? Не дали мне вчера развлечься, вот и результат – теперь буду с каждым часом становиться все злее и злее.

Скорее бы домой, я уже согласна на жеманных мальчиков! Сама все сделаю! Лишь бы были! Ы-ы-ы...

Медсестра по очереди помогает нам с Тарасенко умыться, почистить зубы, добраться до унитаза, затем меняет компрессы на глазах. Меня заставить выпить целую горсть таблеток. И наконец-то она избавляет нас от своего общества. Правда, на смену вредной медсестричке, так глупо подставившей меня перед Тарасенко, появляется еще парочка, уже с завтраками.

Эх... чувствую себя беспомощным младенцем. Даже позавтракать не получается без помощи.

Одно радует: после завтрака, кто-то из охраны Тарасенко приносит мою сумочку. Сразу же вытащив телефон, прошу медсестру помочь набрать номер моего шефа, который, между прочим, ждет меня домой к вечеру. Будет ведь беспокоиться, если не появлюсь вовремя...

– Афанасий Игоревич, машину в аэропорт сегодня не отправляйте, я еще в Москве, – сходу огорошиваю шефа и без предисловий начинаю придумывать на ходу более приемлемую историю: – Я с однокурсницей встретилась, засиделись с ней допоздна, в общем, на самолет опоздала. Но вы не переживайте, завтра появлюсь, а послезавтра уже на работе буду! И водителя не гоняйте почем зря, я на такси до дома доберусь.

– Понял тебя дочка, смотри не балуй там, – хмыкает шеф. – Если проблемы какие – звони, не стесняйся, я сразу своих ребят отправлю, всё решим.

– Что вы, шеф, какие проблемы у меня могут быть? – преувеличено возмущаюсь я, стараясь не думать о вчерашней наиглупейшей выходке. – Вы же знаете, я само благоразумие.

– Да-да, конечно, Крис. Прости старика, это я так, что-то нервы совсем расшалились. Знаю, что ты у меня девочка ответственная, – начинает извиняться шеф, а я чувствую, как теплеют щеки, шея и кончики ушей.

Хорошо, что кожа смуглая, и в подозрительной тишине палаты никому не должно быть заметно, как я краснею.

Скомкано прощаюсь с шефом, выключаю телефон.

И слышу ненавистный голос Тарасенко, не скрывающего иронии:

– С однокурсницей засиделась? Само благоразумие?

В ответ он слышит лишь скрип зубов. Каюсь, не удержалась. Ух... как же много эмоций во мне вызывает этот подонок! С удовольствием пожаловалась бы на него шефу, и наверняка Афанасий Игоревич сделал бы все возможное, чтобы Тарасенко больше никогда не маячил у меня перед глазами. Вот только я не хочу, чтобы он что-то узнал о моём прошлом... только не шеф. Не желаю видеть жалость и в его взгляде.

Сама справлюсь, не маленькая уже...

В течение дня Тарасенко не раз пытается со мной поговорить, но я веду себя как партизан, выбрав тактику полного игнорирования, и с нетерпением жду вечера, чтобы снять проклятую повязку и наконец-то увидеть мир своими глазами.

В семь вечера появляется наш врач – Игорь Юрьевич. Как назло, он снимает повязку Тарасенко и только после доходит до меня. Я же все это время кое-как сдерживаюсь, чтобы не устроить очередной скандал, вспомнив о своем работодателе.

– Ну-с-с-с, Кристина Эдуардовна, теперь посмотрим, что у вас.

Повязка снята, и я кое-как, не без помощи специального раствора на ватном диске, разлепляю склеившиеся ресницы.

– Жжения нет, – тут же отчитываюсь доктору.

– Отлично, теперь проверим само зрение на каждый глаз, – кивает врач.

Спустя еще несколько минут, выдав мне рецепт капель для глаз и кое-какие лекарства от аллергии, он заключает:

– Косметикой не советую пользоваться ещё минимум три дня, все лекарства принимать, на ночь ватные диски с раствором на глаза.... Ну и обязательно показаться через три дня окулисту для контрольной проверки, и навестись к аллергологу. Могу вас сразу на прием записать, в нашей клинике все специалисты есть.

– Спасибо, – уныло отвечаю я, рассматривая свои красные, как у вампира глаза в зеркальце, что успела достать из сумочки, и опухшее, словно у заправской алкоголички лицо, – но я завтра домой в другой город уезжаю, там обязательно посету врачей.

– Опухоль уже завтра к вечеру спадет, но если нет, тогда сразу же, не мешкая, обращайтесь к врачу.

Доктор участливо пожимает мне руку на прощание и наконец-то отпускает меня на все четыре стороны.

– Буду надеяться, – вздыхаю я. – Счет мне дадут на выходе?

– Все ваши расходы уже покрыл господин Тарасенко.

– Понятно.

Впрочем, этого и следовало ожидать.

Как только врач покидает палату, я вскакиваю с постели, вызываю такси и как метеор начинаю одеваться, пока Тарасенко занял ванную.

Ничего страшного, в гостинице приведу себя в порядок. Лишь бы поскорее сбежать отсюда, благо в сумочке есть большие черные очки, закрывающие добрую половину моего лица, и можно спрятать за ними опухшую мордашку.

На одевание у меня уходит ровно три минуты. Открыв дверь палаты, я уже намереваюсь сбежать, однако мне преграждают путь два амбала.

– Прочь с дороги, – со злостью цежу я.

– Простите, Кристина Эдуардовна, но Евгений Николаевич просил его подождать, – вежливо отвечает один из амбалов, не реагируя на мой грубый тон.

– Это еще зачем? – с удивлением спрашиваю, а сама уже роюсь в сумочке, чтобы найти звонящий телефон, и раздраженно бурчу: – Я на такси опаздываю!

– Затем, что мы поедем вместе, – слышу голос Тарасенко. Обернувшись, не успеваю среагировать: он выхватывает телефон из моей руки, и отвечает на звонок:

– Да, вызывали, но планы поменялись, не поедem. Сейчас оплатим неустойку.

Я открываю рот, чтобы возмутиться, и тянусь за телефоном. Тарасенко, не обращая внимания на моё возмущение, убирает его во внутренний карман серого пиджака и командует одному из охранников:

– Федор, сбегай, оплати неустойку.

– Какого хрена! Верни мой телефон сейчас же! – злобно шиплю на весь коридор.

– Он временно побудет у меня, – бескомпромиссным тоном заявляет Тарасенко и, подхватив меня под руку, не давая возможности вырываться, выводит в коридор.

– Ты совсем сбрендил?! Отпусти меня немедленно, – раздраженно рычу, пытаюсь вырваться из жесткого захвата.

– Кристина, я с тобой пытался поговорить, но ты меня игнорировала. Значит, теперь я буду тебя игнорировать, – спокойно отвечает этот изверг и продолжает переть меня, как на буксире, вдоль коридора. А второй амбал идет спереди, расчищая нам и так пустую дорогу.

Я пытаюсь сопротивляться, наступаю каблуками на ноги Тарасенко. Но этот гад, выругавшись сквозь зубы, подхватывает меня, перекидывает через плечо и заносит в лифт, как мешок картошки.

Ровно одно мгновение я нахожусь в шоке от действий этого психа, а затем с силой ударяю его кулаком по спине и возмущенно, уже не сбавляя тона, кричу:

– Отпусти меня немедленно, ты с ума сошел, хочешь меня опозорить?

На что он лишь весело хмыкает:

– Отпущу, если пообещаешь, что будешь вести себя благоразумно и позволишь довести тебя до отеля. И думай быстрее, уже наш этаж.

Глотая злость, обиду и зарождающийся страх, я понимаю, что выхода нет. Лисовские, чтоб их... черт побрал, не должны узнать, что я побывала в этой больнице, а тем более при таких обстоятельствах! А если устроить скандал, то до них наверняка дойдет этот инцидент. Набрав в легкие воздуха, бессильно выдыхаю:

– Обещаю, что буду вести себя спокойно...

...пока мы не уберемся отсюда как можно дальше.

Тарасенко мгновенно ставит меня на ноги и даже помогает одернуть одежду. Я достаю очки из сумочки и быстро надеваю их. Спустя минуту мы чинно выходим из лифта.

Внутри все кипит от негодования, но на лице играет безмятежная улыбка, ровно до того момента, пока мы не садимся в машину.

Здесь можно уже не притворяться. Машина трогается с места, и я, прищурившись, с завистью смотрю на свежую физиономию мужчины. Глаза чистые, лицо не опухшее... никаких последствий вчерашнего перцового заряда.

Р-р-р... вот ведь гад везучий, а!

Тарасенко, кстати, с не меньшим интересом смотрит на меня. Вот только прочитать, какие именно эмоции он испытывает сейчас, я не могу. И потому, не выдержав давящей тишины, спрашиваю:

– Что тебе от меня надо?

– От тебя? – приподнимает он бровь. Да настолько искренне это делает, словно и правда удивлен моему вопросу. Но я не собираюсь вестись на эту игру и продолжаю пристально смотреть в глаза своему врагу, ожидая ответа.

Через минуту нашей игры в гляделки первым сдается Тарасенко. И, растянув губы в грустной улыбке, ошарашивает меня:

– От тебя, Кристина, мне нужна только ты сама. И ничего более.

– А-ха-ха-ха, очень смешно! А теперь давай серьезно, – угрюмо отвечаю я, старательно не замечая, как очень глубоко внутри что-то ёкает.

Скажи он это тринадцать лет назад, той влюбленной семнадцатилетней глупышке – и она бы от счастья прыгала до потолка, хлопая в ладоши. Жаль, что её больше не существует, а есть лишь тридцатилетняя циничная стерва, потрепанная жизнью.

Хотя нет... не жаль. Совсем не жаль.

– Я серьезно, Крис, – вырывает меня Тарасенко из философских размышлений о становлении собственной личности. И как ни в чем не бывало начинает молотить какую-то чушь. С каждым его словом я начинаю подозревать, что задумал он что-то совсем нехорошее: – Можешь думать что хочешь, но я теперь тебя никуда не отпущу, теперь мы вместе. Если хочешь свадьбу – сыграем, или просто распишемся. Кольцо я купить не успел, но мы можем сходить в любой ювелирный, выберешь сама. Дети... насчет детей я пока не думал. Но если захочешь, то они обязательно будут, мальчик и девочка. Можно просто девочку, так даже лучше – меньше хлопот потом будет. И да, в России мы жить не будем: я в Испании месяц назад купил нам с тобой небольшой трехэтажный особнячок на побережье – десять комнат плюс бунгало для слуг. Район тихий, уютный. Есть частная школа. И кстати, там много наших живет. Скучно тебе не будет, пока я на работе. Я небольшой бизнес там открыл по продаже оружия. Не беспокойся, – он улыбается и смотрит на меня кристально честным взглядом, – всё абсолютно законно. Это охотничье оружие. Выдается строго по лицензии. Вообще-то это не основной мой заработок, есть еще кое-что. Поверь, на безбедное существование нам хватит.

Всё это он говорит с такой уверенностью, так детально расписывает, что я начинаю подозревать: бизнес и домик на десять комнат, с бунгало для слуг – истинная правда. Вот только сути и смысла в его словах пока не улавливаю. И на всякий случай решаю подыграть. Расслабленно откидываюсь на сиденье, по-деловому закинув ногу на ногу, и спрашиваю с искренней заинтересованностью:

– А почему именно Испания? Чем тебе Россия не угодила?

– Первое, и это очень жирный плюс, – начинает он загибать пальцы, – в Испании тепло, а в России холодно.

– Не поспоришь, – благосклонно киваю.

– Второе – я прожил там почти тринадцать лет. У меня там друзья, связи, поставленный бизнес. И сюда я вернулся только за тобой.

– О как, – хмыкаю и старательно игнорирую последнюю фразу. – А как же твой отец? Если не ошибаюсь, он какой-то депутат? Неужто отпустит наследника за бугор насовсем?

– Отец умер полгода назад. Инфаркт, – коротко отвечает Тарасенко и, резко помрачнев, поворачивает голову к окну, явно пряча от меня взгляд.

– Мои соболезнования, – сухо отвечаю, стараясь отогнать неуместное чувство жалости.

Сама родителей похоронила, знаю, как терять близких... Вот только его отец вырастил таких подонков, что чувство жалости, не успев толком появиться, мгновенно погибает на корню. Зато на его смену приходит здоровое чувство злости.

Терпеть не могу, когда мне голову морочат. Сразу же хочется превратить человека в камень. Иногда очень завидую и восхищаюсь Медузой Горгоной. Эта женщина была поистине великолепна в своей ярости. Жаль только, кончила плохо... но это уже так, частности.

– Ладно, это была интересная история, – с ленцой в голосе отвечаю Тарасенко, – но мне хочется знать истинную причину твоего интереса.

– Я тебе уже все сказал, – пожимает он плечами, продолжая смотреть в окно.

– М-да... не густо, – притворно нахмурившись, качаю головой и тоже отворачиваюсь к окну.

Не хочет рассказывать, ну и плевать. Всё равно вижу его последние минуты. Скоро гостиница, потом аэропорт – и дом, милый дом.

Спустя несколько минут тишины искоса смотрю на мужчину и напрягаюсь. Оказывается, он все это время смотрел на меня.

Вот только взгляд его... какой-то странный. Не нравится он мне, ой не нравится.

Я в своей жизни видела много взглядов – расчётливых, лживых, похотливых, гневных, предвкушающих, а этот... он смотрит так, словно... словно пытается меня сожрать. Ага, одними глазами. Поглотить всю полностью, вместе с душой. Не оставив ничего.

Что же ты задумал, Тарасенко? Какую игру в очередной раз затеял?

Может, все дело в том, что моего шефа отправляют на пенсию? Может, он от конкурентов? Хотят купить себе завод? А Тарасенко пытается почву прощупать. Ни для кого ведь не секрет, что я доверенное лицо Маркелова. А может, Женечка сам лично хочет отхватить лакомый кусок?

Кто их знает, этих олигархов...

Я старательно роюсь в памяти, вспоминая, кто таков отец Тарасенко и что у него за бизнес. Но в голове, к сожалению, только одна информация – он депутат. Другую я и не пыталась искать, сознательно избегая любых новостей. А жаль... О своих врагах нужно знать всё.

Эх, Кристина, Кристина, не быть тебе разведчиком...

Ну ничего, вернусь домой и займусь поиском инфы. Вот только кого бы привлечь к этому делу? Нашего программера нельзя. У Стаса язык без костей. Инфу сливает всем, кто платит. Ничем не гнушается парень. Специалист отличный, потому и на работе так долго держится, а так бы давно уже вытурили. Но ему и секретов особых не доверяют.

Надо кого-то на стороне искать.

Машина наконец-то паркуется перед входом в гостиницу, водитель открывает дверь, и я пулей пытаюсь выскочить из машины. Но Тарасенко резко хватает меня за талию и с такой силой утягивает к себе на колени, что я не сразу понимаю, что вообще произошло. И поэтому, когда он разворачивает меня к себе, продолжая одной рукой удерживать за талию, а второй уже за подбородок, я не сопротивляюсь и замираю в его руках, как мышка. И в ожидании, когда кот сделает свой первый удар, смотрю ему в глаза.

– Крис, – шепчет Женя мне прямо в губы, – я так скучал по тебе.

В голове мгновенно вспыхивает понимание происходящего, и я пытаюсь увернуться от его поцелуя – упираюсь обеими руками в каменную грудь мужчины. Но его захват становится железным, и он все же накрывает мои губы.

Я делаю резкий вздох и замираю, поплотнее сжав губы, в ожидании болезненного напора. Но Тарасенко почему-то медлит, его губы не двигаются, и вместо этого он пристально смотрит мне в глаза, словно пытаясь отследить мою реакцию. А затем очень нежно проводит языком по моим губам, еще и еще, не требуя, а словно просясь внутрь. Но я еще сильнее сжимаю губы и зубы, и с вызовом смотрю в глаза своему прошлому.

Взгляд мужчины становится понимающим и настолько грустным, что не зная я, кто передо мной, то наверняка бы поверила в его игру. Но я знаю, кто этот человек, и больше никогда не позволю с собой играть! И, сузив глаза, пытаюсь передать свои мысли Тарасенко.

И вновь он понимает меня без слов. Его взгляд становится упрямым и жестким, и Женя, резко повалив меня на сиденье, начинает жалящими поцелуями-укусами покрывать мой подбородок, шею, даже умудряется до груди добраться. Не сдержавшись, коря себя трехэтажным матом за слабость, всхлипываю от боли и охватившей меня паники, полностью лишаящей воли.

Тарасенко замирает, уткнувшись носом в ложбинку между ключицей и шеей, и дышит как паровоз, пока я пытаюсь вернуть себя хоть каплю сил и отрешиться от... да-да, именно, от того, что происходит внизу живота. Такое ощущение, что кто-то резко ударил в меня концентрированным возбуждением, настолько болезненно-сладким, что я совершенно теряюсь и забываю, где я и с кем именно нахожусь. И *сама* хватаю Женю ладонями за лицо, тянусь к его губам, не замечая ошарашенного взгляда.

Мир падает и переворачивается, когда наши губы вновь находят друг друга. Теперь уже я кусаю мужчину, пытаюсь его поглотить. Трюсь всем телом, как голодная кошка, желая погасить тот огонь, что разгорелся внутри.

Где-то далеко в другой вселенной, мой разум отмечает звук хлопнувшей двери и то, как медленно трогается автомобиль, куда-то уезжая. Но вселенная сжимается в микроскопическую песчинку, совершенно неважную для меня. Ведь здесь и сейчас есть тот, кто может погасить пожар, что невольно (или все же вольно?) разжег во мне.

Женя отрывается от моих губ, отдавая короткие приказы водителю. До меня его слова доносятся словно через вату. Сердце колотится, эхом отдаваясь в ушах. Я мало что понимаю. Организм хочет только одного – немедленной разрядки. А ему этого не дают. И я начинаю хныкать и ерзать под тяжелым телом мужчины, пытаюсь расстегивать пуговицы на его рубашке.

– Сейчас, сейчас, маленькая, подожди, – слышу я хриплый и возбужденный голос, от которого вся кожа покрывается мурашками.

И не выдержав, я начинаю требовать:

– Ну же, давай, трахни меня!

Он заглушает мои слова очередным жарким поцелуем. Глубоким, сексуальным, поглощающим.

Там, где-то на задворках своего разума, я слышу, как останавливается машина, как хлопают две двери, и мы наконец-то остаемся одни.

«Господи, что я творю?» – эта мысль тонет в очередном жадном поцелуе.

Мы оба в одежде. Тарасенко поднимает моё платье до талии, убирает мокрую полосу трусиков, вводит в меня два пальца.

А я выгибаюсь и кричу прямо ему в рот.

Это ОРГАЗМ, я словила ОРГАЗМ, вот так, именно большими кричащими буквами... только от его поцелуев и двух пальцев!

Пока я лежу и пытаюсь привести дыхание в норму, а взорвавшиеся от крышесного оргазма мозги – хоть немного собрать в кучу, Тарасенко успевает расстегнуть ремень, надеть резинку на свой член и, закинув мои ноги себе на плечи, резко входит.

Я вскрикиваю от боли и очередной вспышки наслаждения, а Женя замирает внутри меня, давая всего лишь пару мгновений, чтобы привыкнуть к его размерам. И начинает двигаться... о нет, не двигаться, а вколачивать меня в кожаное сиденье.

Наклоняется, складывая меня пополам, ловит мои губы. Руку кладет на затылок, сжимая волосы в кулак, не давая пошевелиться, и продолжает безумную скачку.

Меня накрывает уже третий оргазм, я вновь кричу и выгибаюсь в его стальных объятиях. А Женя выходит из меня, ставит на четвереньки, хватая за волосы, оттягивает на себя, заставляя изгибаться под немыслимым углом. Поворачивает мою голову к себе, ловит мои губы своими и вновь резко входит. Если бы он не был таким высоким, а я – такой маленькой и гибкой, вряд ли у нас получилось бы так изогнуться.

Но эта приятная тянущаяся боль в мышцах, этот дикий и необузданный напор, эта сила и властность заставляют меня вновь взорваться и выпасть из реальности. Стереться из этого мира и не думать, не помнить ни о чем. И понимать, что только благодаря таким моментам, я до сих пор еще дышу...

Глава 3

– Прости меня, пожалуйста, Крис, – слышу я приглушенный голос Тарасенко.

Он так и продолжает лежать на мне после того, как кончил, уткнувшись лбом в сиденье поверх моей головы.

Я же наслаждаюсь запахом мужчины и еще отхожу от оргазма. Думать совершенно не хочется. Поэтому я не сразу понимаю, чего от меня хотят, и на автомате расслабленно спрашиваю:

– За что?

Женя судорожно выдыхает, приподнимается на локтях и осматривает моё лицо. Увиденное ему явно не нравится. Ну ладно, я тоже смотрела на себя сегодня в зеркало и не была в восторге. Так что мужику можно даже памятник поставить, с такой страхолюдиной трахаться... не каждый сможет.

А мне пофиг.

Я после секса всегда как кисель, и как минимум минут пятнадцать меня не будет существовать для этого мира.

– Я набросился на тебя, как маньяк, а я хотел... – говорит Женя, сглатывая, – Я хотел иначе. Хотел сделать тебе предложение в ресторане. Даже кольцо купил. Хотел...

Я не даю ему договорить, кладу палец поверх его губ. Внутри меня все еще пузырятся отголоски оргазма и удовольствия, и с шальной улыбкой на лице я отвечаю:

– Я готова и так принять твоё предложение, делай.

Женя лихорадочно всматривается мне в глаза, явно что-то для себя решая. Я с мягкой улыбкой на лице отвечаю ему спокойным взглядом. Уже даже интересно, что предпримет дальше этот интриган. Какую игру затеял? И почему бы в неё не поиграть?

Тарасенко, чуть приподнявшись на одном локте, осторожно разъединяет наши тела, и я морщусь. Все же своим немаленьким размером он меня повредил. Взгляд Женя на мгновение становится виноватым, но он садится и тянет меня за собой. Сам же в этот момент приводит в порядок свою одежду.

Я тоже вяло начинаю одергивать платье, всё еще чувствуя приятную усталость во всем теле. Надо отдать должное, он сделал для меня то, чего не мог сделать не один из мужчин. Такого оргазма я не испытывала никогда.

«Может, это потому, что ты до сих пор его любишь?» – тоненьким голосом пищит подсознание, но я делаю вид, что не слышу собственных мыслей. Одернув одежду, нахожу свою сумочку, чтобы вытащить косметичку и привести волосы в порядок.

Но не успеваю этого сделать, потому что перед глазами появляется рука Тарасенко, а в ней – маленькая черная коробочка. Второй рукой он открывает коробочку, а в ней я вижу...

М-да... такого уродливого кольца я еще в жизни не видела. И подозреваю, что это бриллиант. Но я терпеть не могу кольца с большими камнями. Выглядит отвратительно. Дорого, но безвкусно. Есть кольца с маленькими камушками; они, конечно, не такие дорогие, но выглядят гораздо красивее и изящнее, чем вот это уродство.

Но это еще не все.

Спустившись с сиденья на пол, мужчина встает на одно колено. Его лицо сосредоточено, он смотрит на меня очень серьезно и проникновенно.

Хороший актер. Я бы ему Оскара вручила, не задумываясь. Какой талант, какой талант!..

– Кристина, я тринадцать лет мечтал об этом моменте, – начинает он немного неуверенно и, прочистив голос, все же делает мне предложение: – Очень тебя прошу, выходи за меня замуж.

– Я согласна, – отвечаю я, не медля ни одного мгновения.

И, взяв кольцо из коробочки, надеваю его на безымянный палец. Кольцо большое и пытается свалиться. Я перемеряю его на средний, а затем на указательный пальцы, и дохожу до большого. Ага, вот сюда оно подойдет. Господи, кто ему подсунул этот размер?

И, переведя веселый взгляд на Тарасенко, командую:

– Ну что, в загс? Заявление писать?

Пару мгновений он смотрит мне в глаза, словно пытается найти на моём лице какой-то подвох, а затем резко притягивает меня к себе и целует... целует так, что у меня пальцы на ногах поджимаются. Господи, как же он сексуален, нежен и одновременно властен в своих порывах. И достанется же кому-то когда-то такое сокровище. Если он, конечно же, уже не

женат. Почему-то последняя мысль отдается глубоко внутри такой сильной болью, что я, не выдержав, крепко обнимаю Женю за шею и страстно отвечаю.

– А может сразу поженимся? – вдруг спрашивает он, оторвавшись от меня и даря такой горячий взгляд, что низ живота вновь начинает тянуть от возбуждения.

– Конечно, поженимся, прямо сейчас, – радостно киваю я.

Интересно же, чем весь этот фарс закончится? Да и охота попользоваться хоть немного этим мужчиной.

Почему я должна отказываться от сладкого, когда мне его предлагают бесплатно?

Глупый вопрос.

Вот когда отберут, тогда и буду переживать, а сейчас... сейчас я хочу верить в сказку. Главное, на самолет опять не опоздать.

И поэтому на всякий случай уточняю:

– Мы же на самолет не опоздаем?

– Нет, – качает головой Тарасенко, открывая окно и делая знак охраннику и водителю, чтобы те возвращались. – Я уже купил нам билеты до Новосибирска. Бизнес-класс. Вылет завтра рано утром, мы успеем.

– О как, – ухмыляюсь я. – Обожаю летать в комфортных условиях.

А сама стараюсь отогнать тревожные мысли. Даже если Тарасенко задумал что-то очень скверное, обращусь к шефу, тот решит вопрос. У Афанасия Игоревича очень много связей. Управу на Тарасенко он найдет. По крайней мере, я на это очень надеюсь.

Машина трогается, а Женя с кем-то договаривается по телефону, чтобы нас расписали.

Я слушаю его вполуха, все равно весь этот фарс рассчитан на то, чтобы я первая отказалась. А я уже решила для себя, что пойду до конца. И еще, что немаловажно, даже отыграю роль обиженной и брошенной женщины прямо в загсе. Буду кричать, топать ногами, устрою безобразную истерику. С соплями, слезами и обвинениями.

Он хочет поиграть? Я тоже поиграю. Посмотрим еще, кто кого.

Я прячу от Тарасенко предвкушающую улыбку победительницы, делая вид, что очень сильно заинтересовалась пейзажами за окном.

Мы и правда подъезжаем к загсу. Не к Дворцу Бракосочетания, конечно же, а к обычному московскому загсу.

Еще раз взглянув на своё не слишком презентабельное отражение в маленьком зеркальце, стараясь не замечать темно-красные засосы, что оставил на шее и груди Тарасенко, я надеваю черные очки и выхожу из машины, берясь за предложенный локоть.

Мы поднимаемся по ступенькам, к нам присоединяются несколько охранников. Они, оказывается, ехали на двух машинах за нашей. Интересно, зачем Тарасенко столько охраны, от кого шифруется? Врагов много?

На входе нас встречает женщина в праздничном платье. И с дежурной улыбкой на лице сразу же ведет в регистрационный зал. Охрана остается за дверями. Тарасенко забирает у меня сумочку и выуживает из неё мой паспорт.

Я даже рта не успеваю открыть, а наши паспорта уже в руках работницы загса. Она уходит куда-то из кабинета, попросив нас подождать пять минут.

Мы присаживаемся у стола, я настраиваюсь на истерику, перебирая в голове все известные ругательства, которыми буду осыпать Тарасенко, когда он передумает на мне жениться.

Женщина возвращается через пять минут, в руках у неё папка с документами.

Она садится за стол, достает из папки журнал, открывает его и, улыбнувшись Тарасенко, передает ему ручку:

– Пожалуйста, подпишитесь вот тут.

Он ставит в указанном месте свою генеральскую размашистую подпись.

– И ваша подпись, Кристина Эдуардовна, – переводит на меня торжественный взгляд женщина, а Женя передает ручку мне.

Пожав плечами, подписываюсь там, где мне указали.

– Поздравляю вас с бракосочетанием, – с улыбкой ошарашивает меня женщина. – Вот ваши паспорта, штампы проставлены. А это, – она дает в руки Тарасенко красный лист бумаги, – ваше свидетельство о бракосочетании. С заменой паспорта, Кристина Эдуардовна, я вам советую не тянуть, там сроки небольшие.

– С какой заменой? – севшим голосом спрашиваю я, все еще не веря в происходящее.

– Ну, как же? – изумляется женщина. – Теперь ваша фамилия – Тарасенко. Так мы написали в свидетельстве о бракосочетании. Поэтому вам нужно поменять паспорт, предъявив этот документ, – она указывает на «документ», который уже прячет от меня Женя, складывая в четыре раза и убирая во внутренний карман пиджака.

– Я не дам тебе развода, – зачем-то говорю я, когда мы уже едем в машине обратно.

Истерику пришлось отложить на неопределенное время. Я попросту впала в ступор после того, как узнала, что мы действительно женаты.

Свидетельство о регистрации брака он мне показал, правда, в руки почему-то так и не отдал. И штамп в паспорте настоящий... Я несколько раз открывала, смотрела, а штамп так никуда и не исчез.

Черт возьми, я теперь замужем за Тарасенко...

Это надо как-то осознать. Переспать с этой мыслью.

Ха-ха... сбылась мечта идиотки.

Я же, когда познакомилась с Женей, всю нашу с ним совместную жизнь себе распланировала. Была уверена, что смогу покорить сердце мужчины. Наверное, и покорила бы, если б не одно большое «НО».

– И хорошо, – беззаботно отвечает Женя, вырывая меня из размышлений о прошлом. – Я тебе тоже никогда не дам развода.

Он резко хватает меня за талию и с легкостью перетаскивает к себе на колени, сжимая в крепких объятиях.

– Теперь ты принадлежишь мне уже на законных основаниях, – шепчет он мне в губы, а в его глазах я вижу непоколебимость, словно он и правда считает меня своей собственностью.

Вот только... там еще кое-что есть. Я обманываю себя или Тарасенко действительно смотрит на меня с нежностью?

Неужели это всё игра? И ради чего? Ради какой цели? Завод – слишком лакомый кусок? Но я не настолько влиятельна, чтобы даже замуж меня взять. Информацией, конечно, владею, но об этом знают только два человека. И эти люди надежнее некуда. Или... меня слили? Решили избавиться, потому что я больше не нужна, как и шеф? Его-то на пенсию отправляют, а я... слишком много знаю и ненадежна?

Но почему Тарасенко? И при чем тут свадьба?

Что это за схема такая странная? Хотя... если учитывать службу безопасности холдинга, то, в принципе, схема отличная.

– Ты где-то далеко, Крис, – слышу я приглушенный голос своего новоиспеченного мужа. – Не со мной.

– Я у тебя на коленях сижу, – усмехаюсь, поудобнее устраиваясь в теплых объятиях.

Как ни странно, а с его коленей я бы век не слезала. Слишком нежно, слишком хорошо, слишком... Как бы и правда не поверить во всю эту сказку.

Мы подъезжаем к гостинице, я выхожу из машины, а Тарасенко выходит вслед за мной, ловит мою ладонь, кладет её на изгиб своего локтя.

– Цепляйся, любимая, – улыбается он и, наклонившись, нежно целует меня в нос.

– Э-э-э, – туплю я, – ты зачем со мной идешь?

– Затем, чтобы помочь собраться, мы едем ко мне, – пожимает плечами Тарасенко, а я в этот момент холодею от ужаса. И, четко смотря в глаза Жене, говорю:

– Нет.

Именно таким тоном, которым я разговариваю на работе с подчиненными. А они у меня есть, целый отдел из десяти экономистов.

Не знаю, как и почему, но Тарасенко понимает, почему я отказываюсь ехать к нему. Он резко притягивает меня в свои объятия и, обдавая теплым дыханием, шепчет на ухо:

– Крис, того дома уже нет, я продал его сразу после смерти отца. У меня в Москве есть своя квартира. Крис, дыши, все хорошо... Тут куча камер, на нас все смотрят. Ты же не хочешь показать всем свою слабость и наш конфликт? Твой шеф тебя уже не защитит, его списали по старости и глупости – он проворовался.

– Что? – вырывается из моей груди свистящий шепот, а глаза, как подозреваю, увеличиваются вдвое. – О чем ты?

Но Тарасенко словно не слышит меня, и продолжает увещевать:

– Я все обязательно тебе объясню, но сейчас ты слишком уязвима. Ты же это понимаешь? Но я тебя защищу. Теперь ты – моя жена. И никто не посмеет тебя тронуть. Я знаю, ты очень сильная женщина, я горжусь тобой и восхищен твоим упорством.

– Зачем ты все это затеял? – сквозь зубы цежу я. Совершенно ничего не понимаю. Шеф проворовался? Зачем, почему, как? Нафига ему это надо? Или... это из-за Иришки? Неужели ей понадобилось настолько дорогостоящее лечение, что шефу оказалось мало его зарплаты – один миллион рублей в месяц? Ни за что не поверю! Что еще за чушь такая!

– Затем, что я тебя люблю и давно хотел тебя забрать, но ничего не получалось, – говорит мне этот интриган, продолжая удерживать в своих медвежьих объятиях.

– Я не верю не единому твоему слову, – глухо заявляю, уткнувшись носом в пиджак Тарасенко.

Он вздыхает. Горестно и так... словно действительно переживает по этому поводу. А затем, слегка отодвинув меня, но продолжая удерживать одной рукой за талию, приподнимает пальцем мой подбородок и, наклонившись, шепчет прямо в губы:

– Ничего, мы с этим справимся.

***

– Не пытайся залезть мне под кожу, Тарасенко, – цедит сквозь зубы Крис, пытаюсь отпихнуть меня.

Сейчас она как никогда похожа на злобного котенка. Хочется зацеловать и затискать, эту вредину, согреть в своих руках, в своих объятиях, чтобы смягчилась, чтобы поняла, что я хочу её уберечь. Но... я сам знал, на что подписывался, и теперь нет пути назад.

Еще и свадьба эта... Даже не ожидал, что все пройдет так быстро и спокойно. Без истерик, без связывания, шантажа и прочих силовых методов, о которых я задумывался.

Теперь осталось только увезти Крис в Испанию, да так, чтобы она сама согласилась. А уже там... там она будет полностью в моей власти, на моей территории. И никогда не сможет от меня уйти.

– Сможешь пообещать мне, что будешь держать себя в руках, пока мы идем за твоими вещами? – спрашиваю у все еще упирающейся девушки. Она надеется меня оттолкнуть, но силы явно не на её стороне.

– Смогу, – шипит она разъяренной фурией, но тут же расслабляется, и на её лице появляется спокойная светская улыбка.

– Умница моя, – не сдержавшись, я наклоняюсь и нежно целую её в припухшие губы. И сразу же морщусь, замечая красные следы на её шее.

Впервые в жизни я сорвался и потерял тормоза, впервые был настолько груб с женщиной. Всегда, всегда, сколько помнил себя, я четко контролировал ситуацию, особенно в сексе, чутко

заботясь о желаниях партнерши. Но то, что было в машине... Это неправильно. Я облажался по полной, не смог сдержаться, потому что совсем потерялся в ней, обезумел от страсти и желания.

Нет, так дело не пойдет. Та, о которой я мечтал тринадцать лет, не в силах вернуться и забрать её, не должна страдать от моей страсти. Надо учиться держать себя в руках. Иначе я сам всё испорчу...

Я беру Крис под руку и, кивком проконтролировав своих телохранителей, завожу её в отель. Мы чинно следуем до лифта, затем поднимаемся на седьмой этаж, в её апартаменты.

– Постоишь за дверью, – пытается отнять руку эта несносная вредина.

– Нет, – качаю я головой. И, отобрав у неё ключ-карту, отдаю её Аркадию, начальнику моей службы безопасности. Без лишних слов он всё понимает, и пока я удерживаю за руку и за талию своего злого котенка, двое моих телохранителей уже входят в номер Крис и быстро исследуют на посторонние следы.

Мы с Крис стоим в стороне от двери, поэтому не видим, что творится в её номере, но уже по лицу одного из своих телохранителей, замерших напротив входа в номер, я понимаю: что-то не так. И вышедший Аркадий это подтверждает:

– Номер обыскивали, показательно. Сейчас там никого нет.

– Что? – вырывается из моей чуть ослабшей хватки Крис и несется внутрь.

Я иду следом и останавливаюсь в дверях, за спиной остолбеневшей девушки, рассеяно рассматривающей беспорядок в номере.

И сразу же соглашаюсь с моим начальником СБ. Обыск действительно был показательным. Вся мебель перевернута, вспорота обшивка у кресел и дивана. Разбит стеклянный столик. Шкафчики из комода выворочены и валяются то тут, то там, даже зеркало разбито. Разворочен её чемодан, все вещи почему-то разорваны, разбит ноутбук.

Мою Крис явно хотели припугнуть. И возможно, это даже хорошо. Если бы её хотели убрать или допросить... в этот момент моё сердце леденеет. Мне ли не знать, какие методы при допросе может использовать Михаил Юрьевич – верный палач Лисовских? Ладно, хотели бы – уже допросили бы и убрали, да так, что даже тела бы никто не нашел. А сейчас всего лишь припугнули. Видимо, доказательств вины нет, вот они и пытаются понять, к кому она побежит и что будет делать дальше.

Приобнимаю за плечи так и стоящую посреди номера Крис и, наклонившись, шепчу ей на ухо:

– Любимая, здесь могут остаться жучки. Пожалуйста, не вздумай сказать ничего лишнего. Давай просто быстренько соберемся и поедем ко мне. Тебе надо что-то забрать отсюда?

Она заторможено кивает.

Но я понимаю, что Крис сейчас в шоке, и не сможет действовать быстро и адекватно. Чтобы хоть немного растормошить её, убираю волосы за ухо, нежно обхватываю губами розовую мочку.

Этот жест приводит Крис в норму: она поворачивает ко мне свое хмурое, сосредоточенное лицо и очень тихо шепчет:

– Тарасенко, если ты сейчас не прекратишь, то я опять захочу секса, а ты же сам мне сказал, что тут полно жучков. Мне как-то не хочется устраивать шоу тем, кто все это сотворил, – она кивает на погром в комнате. – Брать тут нечего, все мои вещи уничтожены. Поэтому поехали.

– Отлично, – киваю я, восхищаясь своей женой. Она не устроила истерику, смогла взять себя в руки и действовать правильно.

Пока мы выходим в коридор, я ловлю себя на мысли, что впервые назвал её своей женой. Странно, я думал, мне будет сложно это сделать. Думал, что не смогу привыкнуть, но... как оказалось, это очень просто.

Теперь у меня есть семья – моя Крис.

И я буду делать все, чтобы она была счастлива. Счастлива и в безопасности...

Глава 4

Сдав номер и немного поскандалив с администратором – мол, это не гостиница, а проходной двор, – выслушала его заверения, что они возместят полную стоимость моего имущества. После чего мы наконец-то покидаем гостиницу и вновь садимся в машину.

Всё это время Тарасенко крепко держит меня за руку. А замечаю я эту деталь, лишь когда мы садимся в машину. Станные чувства переполняют меня. Абсолютная защищенность и уверенность в завтрашнем дне.

Это неправильные чувства, это всё иллюзия. Я отворачиваюсь к окну, костеря себя всевозможными матерными словами.

Я слишком сильно напугалась того погрома в гостинице, позволила-таки моему врагу просочиться сквозь кожу.

Несколько раз вдохнув и выдохнув, я беру себя в руку. Сейчас мне ни в коем случае нельзя расслабляться, нужно позвонить шефу и как-то его предупредить. Что если его жизнь сейчас в опасности?

Я вытаскиваю из сумочки сотовый и хочу набрать СМС, но Тарасенко выхватывает его из моих рук.

– Эй, – с раздражением смотрю на мужчину, который выключает телефон и убирает его в карман пиджака. – Какого хрена? Верни мой телефон!

– Не бузи, Крис, – не обращая внимания на мой грубый тон, Тарасенко спокойно смотрит мне в глаза. – Так надо. Ты же не хочешь, чтобы твои враги отследили твои разговоры по телефону и пришли в мой дом за тобой? Кто знает, на что они способны? У меня, конечно, много бойцов, но перестраховаться никогда не лишне.

Я прищуриваюсь, и пытаюсь понять – правду ли говорит этот интриган? Кидаться в драку и отбирать своё имущество не вижу смысла. Слишком разные у нас весовые категории, да и сил пока нет совсем. События в номере и последующая ругань с администрацией вытянули из меня все соки. Сейчас единственное на что меня хватает, так это ровно сидеть и делать вид, будто со мной все хорошо.

Ну и заодно лихорадочно соображать, что, черт побери, вообще происходит?

И если отбросить панику и страх, если попытаться думать рационально? Хотя это и очень сложно сделать, все-таки со мной подобное происходит впервые. Но я все-таки утихомириваю страх и начинаю размышлять.

Итак, если люди пришли обыскивать мой номер – хотели ли они меня убить? Что-то меня берут сильные сомнения. Во-первых, в гостинице все видели, как я ухожу куда-то вечером. Я не таилась и не выпрыгивала из окна, а это значит, что люди, вскрывшие мой номер, знали, что меня в нем нет. Во-вторых, сам обыск... какой-то он слишком топорный. Но, может, они торопились? Они же не знали, что я не вернусь. Может, они подозревали, что моё ночное randevu может очень быстро закончиться, как я и планировала, а не затянуться на целые сутки, вот и устроили такой бардак? Или же! Они устроили этот бардак, чтобы... чтобы что? И зачем было разбивать ноутбук и разрезать мои вещи? Разбивать зеркала?

Только сейчас в голове начали складываться отдельные кусочки пазла. Пока я стояла посреди номера, то была слишком напугана, чтобы хоть что-то понимать, но силы, чтобы рассмотреть все детали случившегося, у меня были. Я просто записала все это в подкорку, как и всегда, а проанализировать смогла только сейчас. И что же это получается? Мне попался какой-то психопат, который не смог ничего найти и поэтому, взбесившись, уничтожил всё, что попадалось на его пути... Либо это было сделано специально, чтобы меня напугать? Но зачем?

Что-то ничего не строится в моей голове, и я решаюсь поговорить с Тарасенко. Может он мне хоть что-то прояснит в этой ситуации?

Хмуро глянув на мужчину, сразу же ловлю его встревоженный взгляд. На пару мгновений становится не по себе; складывается ощущение, словно он впрямь за меня волнуется. Еще сильнее злюсь на себя за то, что допускаю подобные мысли, и с вызовом в голосе, требовательно спрашиваю:

– Ну и что происходит? Ты ведь явно в курсе? Так просвещай давай. Могу даже подсказать, с чего начинать – расскажи, откуда инфа, что мой шеф якобы проворовался? Ну и об этом обыске? Ты что-то знаешь?

Тарасенко усмехается и качает головой, словно пытаюсь устыдить меня в чем-то, но я лишь чуть приподнимаю бровь, не собираясь смущаться, и, добавив в голос едкого сарказма, говорю:

– Не надо мне тут пантомиму устраивать. Я уже взрослая девочка, на меня вся эта херня уже давно не действует. Поэтому давай, Женечка, колись. Что это за фигня творится, и не твоих ли это рук дело?

Взгляд Тарасенко леденеет.

– Крис, ты говори, да не заговаривайся. Я бы никогда не сделал ничего подобного, мне будто заняться больше нечем? Я тебя убережешь пытаюсь всеми силами, а ты еще и меня подозреваешь.

– Ой, ладно тебе, – отмахиваюсь я и не менее ледяным тоном отвечаю на его выпад: – Проехали. Если знаешь хоть что-то – выкладывай. А нет – значит, молчи. Только нотаций читать не надо, и давить на гнилую педаль тоже не стоит. Я уже сказала, что не верю ни единому твоему слову.

На лице мужчины играют желваки, он прикрывает веки, словно пытаюсь взять себя в руки. Я кидаю взгляд на его ладони и вижу, как он сжимает и разжимает кулаки. На пару мгновений мне становится страшно. Что если я сейчас достану его, и он покажет своё истинное лицо? Что если он меня прямо тут сейчас порешит? Я ведь понятия не имею, какие демоны живут в его голове. Но где-то глубоко внутри меня зреет иррациональная уверенность, что он никогда не посмеет причинить мне боль, и эта уверенность заставляет совершенно спокойно ждать рассказа, а не взрыва.

И действительно: Женя берет себя в руки в считанные мгновения и, расслабленно откинувшись на сиденье, начинает объяснять:

– О том, что твой шеф проворовался, мне один очень секретный источник шепнул. Поверь, об этом мало кто знает. Для твоего шефа придумали байку о пенсии, чтобы он не вздумал куда-нибудь свалить. Поэтому я и тебе не дам возможности его сейчас предупредить. Все твои телефоны стоят на прослушке, и если ты вздумаешь хоть слово пикнуть, то ничем хорошим ни для тебя, ни для твоего шефа это не кончится. О твоем обыске... Я считаю, тебя просто решили испугать, чтобы выяснить, куда ты пойдешь, с кем будешь разговаривать. Когда человек чего-то боится, он делает ошибки. Вот и от тебя сейчас ждут этих самых ошибок, чтобы доказать, что ты причастна к преступлениям твоего шефа. Ведь ты его личная помощница, самое приближенное лицо. И было бы глупо думать, что ты не в курсе его махинаций.

После короткого спича я вновь решаю взять небольшой тайм-аут, чтобы немного привести нервы и мысли в порядок. Спорить и что-то доказывать Жене я не собираюсь. Еще не известно, кто он во всей этой партии – пешка, офицер или сам король, а может быть, и ферзь, с нашими-то реалиями?

В одном я уверена на сто процентов – шефа подставили, и у него зреют крупные неприятности. Воровать у Лисовских – последнее дело, на которое способен решиться адекватный человек. Только слепоглухонемой шизофреник не знает, насколько влиятельной стала эта семья, как быстро и качественно они устраняют врагов и конкурентов. А шеф всегда был здравомыслящим человеком, не зря двадцать лет на руководящей должности отработал. Дураков на такие должности редко пускают.

А это значит, мне надо как можно скорее оказаться рядом с ним. Чтобы попытаться перешерстить все документы и найти, в чем подстава, перед тем, как это сделают аудиторы. А заодно и выяснить, кто организовал всё это. Благо доступ ко всем документам у меня есть, шеф давно уже дал мне возможность перепроверять все договора и бухгалтерию. Только я в последнее время, со своими бесконечными командировками и приключениями на нижние девяносто, совершенно не хотела заниматься этим нудным делом... Вот и доленилась.

Мысленно морщусь, но тут же отмахиваюсь от мыслей о самобичевании. В конце концов, я не бог, чтобы предвидеть такую жопу. Да и раз Лисовские меня еще не закрыли в своих застенках и не пытаются, а только лишь пугают – значит, еще не всё потеряно. Я еще поборюсь и за себя, и за шефа. И вообще, может, это не Лисовские вовсе? Хотя... учитывая, что я жила в их гостинице, это могли быть только они. Даже не представляю, какой смертник решился бы устроить бардак на их территории.

Поэтому пока буду считать, что погром – дело рук именно Лисовских. Должны же быть хоть какие-то вводные и константы в этой задачке?

Мы подъезжаем к шлагбауму, за которым виднеется дорога к новому району из высотных зданий для избранных. М-да, а тут все серьезно, просто так никого не пускают. У нас только дворы закрывают от посторонних, а тут целые районы.

Прямо как в стародавние времена – за шлагбаумом живут простые смертные, а после шлагбаума уже приближенные к верхам.

В Москве вообще как-то более четко чувствуется эта черта, которую сильные мира сего провели между собой и простыми обывателями, и на это уже даже никто внимания не обращает. Как будто так и надо, как будто сотню лет назад никто не устраивал революцию, словно после этого наши родители, бабушки и дедушки не жили семьдесят лет под лозунгом «Вся власть советам!» Нет, я, конечно, не особо застала тот период, мне-то было всего-ничего, когда случилась вся эта байда с перестройкой, только-только в школу пошла. Однако же... именно в эти моменты, когда видишь такие перемены, разницу между обычным серым и грязным городом и вот этими ухоженными газонами да идеальным асфальтом, то сразу понимаешь – ты по сути никто, обыкновенный человек. А вот тот, кто позволил тебе сюда проехать, – вот кто настоящий хозяин жизни. И тут главное – не обольщаться... Ведь даже если этот самый хозяин жизни умудрился узаконить с тобой отношения, не стоит думать, что вот он, билет в шикарную безбедную жизнь, ванная с шампанским, и ты вся в шоколаде, обсыпашь брюликами с ног до головы... Все не так просто. Еще неизвестно, в какую цену все это замужество обойдется.

И мне не вставляет вот эта поговорка: «Лучше рыдать в собственном лимузине, чем в трамвае». По мне, так лучше вообще не лить слезы, а жить счастливой и беззаботной жизнью, но мы предполагаем, а судьба или высшие силы – располагают.

Ухмыльнувшись на несвойственные мне философские размышления о бренности бытия, я выхожу из машины, хватаясь за заботливо подставленный локоть Тарасенко, и мы идём в высокое десятиэтажное здание.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.